

DOI [10.24069/2542-0267-2019-3-4-197-210](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-3-4-197-210)

НАУЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

**Понятие авторитетности в научном издании:
эволюция форм, смена авторитетов?¹****Л. Верле^a , А. Шант^b***Университет Поля Валери, Монпелье 3, Франция*^a e-mail: lise.verlaet@univ-montp3.fr^b alain.chante@univ-montp3.fr

Резюме: Отдельные практики создания научного текста действовали уже в XIII в., тем не менее общепризнано, что научное книгоиздание началось с открытия типографий. Именно тогда ученые получили возможность ссылаться на носители письменной информации для обоснования и выстраивания своих исследований. На протяжении веков авторитет принадлежал деятелям академий и научных организаций, которые консолидировали профессионалов в области распространения информации, таких как библиотекари и операторы информационно-поисковых систем. В конце XX в. экономический диктат крупных коммерческих издателей все чаще стал наносить ущерб науке. С развитием цифровых технологий множество ученых устремились в сеть, чтобы возглавить проекты сетевых научных публикаций и таким образом выйти из сферы ответственности коммерческих издательств. Использование электронных устройств запустило процесс пересмотра механизмов научной авторитетности, возвращая ее тем, кто творит науку. От открытого доступа один шаг к открытой науке и перспективам иной авторитетности: коллективной и основанной на сотрудничестве.

Ключевые слова: научный авторитет, научное издание, научный журнал, эволюция

Благодарности: Редакция журнала выражает благодарность Юлии Валентиновне Лункиной за профессиональный перевод статьи.

Для цитирования: Верле Л., Шант А. Понятие авторитетности в научном издании: эволюция форм, смена авторитетов? *Научный редактор и издатель*. 2019;4(3-4):197-210. DOI: [10.24069/2542-0267-2019-3-4-197-210](https://doi.org/10.24069/2542-0267-2019-3-4-197-210).

SCIENTIFIC COMMUNICATIONS

**The notion of scientific authority in the publishing of research:
evolution of forms, changes of authority?****L. Verlaet^a , A. Chante^b***Université Paul-Valéry Montpellier 3, France*^a e-mail: lise.verlaet@univ-montp3.fr^b alain.chante@univ-montp3.fr

Abstract: Some practices of scientific text creation were known since 13th century, however it is generally recognized that scientific book publishing started with invention of typography. That's when scientists got the opportunity to make reference to printed media in order to back-up and build their research. Through centuries the authority belonged to academicians and members of scientific organizations consolidating professionals in information distribution, such as librarians and information search system operators. In the late 1900s economic dictate of large commercial publishing houses began to do more and more harm to

¹ Перевод статьи с франц. яз.: Verlaet L., Chante A. La notion d'autorité dans l'édition de la recherche: évolution des formes, changements d'autorité? *Communication & Languages*. 2017;(192):27-46. DOI: [10.4074/S0336150017012030](https://doi.org/10.4074/S0336150017012030).

science. Digital technologies development led many scientists to the Web where they headed network scientific publication projects intended to free the researchers from commercial editors' yoke. Electronic devices use started the process of revision of scientific authority mechanisms, giving the authority back to those who make science. There is one step from open access to open science and prospects of renewed authority: collective and cooperation based.

Keywords: scientific authority, publishing of research, scientific review, evolution

Acknowledgements: The editors of journal thank Yulia V. Lunkina for the professional translation of this article.

For citation: Verlaet L., Chante A. La notion d'autorité dans l'édition de la recherche: évolution des formes, changements d'autorité? *Communication & Langages*. 2017;(192):27–46. DOI: 10.4074/S0336150017012030.

Введение

В истории книги, как напоминает Р. Риффель (*R. Rieffel*) [1], различают четыре основных периода эволюции письменной коммуникации. В первом из них (4000–1000 гг. до н. э.) человек освоил различные виды письменности и носители информации, что привело к созданию алфавитного письма и использованию свитков (*volumen*). Второй период (с III в. до н. э.) ознаменован переходом от свитка к кодексу (*codex*). Эволюция носителя информации коренным образом изменила не только восприятие текста, но и его издание, позволив последнему достигнуть почти промышленных масштабов. В самом деле, в Риме «книгоиздательское дело <...> зародившееся при Республике, получило дальнейшее развитие в Империи. На Форуме были организованы библиополии² (в частности Аттиком, другом Цицерона), в этих лавочках с вывесками сидели рабы-переписчики, среди которых выше всего ценились греки. Чтец диктовал тексты переписчикам, собранным в одном помещении, таким образом создавалось значительное количество экземпляров. К примеру, было изготовлено одновременно сто копий второй книги эпиграмм Марциала» [2]. Третий период отсчитывается от изобретения Гутенбергом печатного станка (1450 г.). Повсюду развиваются издательства и выдвигают новые требования, сопряженные с их экономическими и финансовыми рисками (значительные вложения, большие тиражи и хранилища, низкие цены) и поиском надежности (в связи с конкуренцией и угрозой плагиата). Издательства требуют для себя средств защиты в форме гарантий и привилегий – по сути, нового правопорядка [2], на что государство не может не реагировать: рост количества книг и читателей способствует появлению новых идей, привлекающих присталь-

ное внимание органов государственной власти. И у государства обнаруживается больше правовых способов воздействия на издательства, чем на авторов. Одновременно меняются взаимоотношения авторов: им приходится выстраивать сложные стратегии, учитывая, с одной стороны, возможность больше публиковаться, а с другой – риск пострадать от критики и плагиата. Сегодня мы переживаем четвертый период, эру электронных коммуникаций и экранных текстов [3]. Тысячелетия письменности и века книгопечатания сделали возможным распространение и организацию человеческого знания, параллельно возникли структура и иерархия полномочий автора, издателя (или владельца типографии) и распространителя с привлечением посредников (таких как критик и библиотекарь) и процедур оценки. Но интернет менее чем за два десятилетия произвел переворот в наших отношениях с информацией и коммуникациями, экранные тексты повлияли на наши читательские и писательские [4] привычки. Тем самым они навязывают нам – так же как предшествующие проявления технического прогресса – новые варианты посредничества и новую расстановку сил как в области структурирования знания, так и в издательском мире.

В настоящей статье мы уделим наибольшее внимание понятию авторитетности в области издания научной литературы, в частности публикации результатов исследований, и рассмотрим научные периодические издания, опираясь на исследования в области документации, наблюдение и анализ развития форм существования и практической деятельности научных журналов. Изучив различные аспекты понятия авторитетности, мы особо остановимся на том влиянии, которое оказывает на обладателей авторитета развитие средств и методов научной коммуникации. Далее мы напомним, каким образом авторитет коммерческих издателей вырос в олигархическую систему, механизмы которой

² Библиополии (лат. *biblion* – книга + *polein* – продавать), в отличие от книгопродавцов (лат. *librarii*, ед. ч. *librarian*), оказывали услуги издателям, а не частным лицам.

способны нанести вред исследовательской деятельности и развитию науки. Мы увидим также, как цифровое пространство создало приток свежего воздуха, позволяющий деятелям науки снова вкладываться в исследовательский сектор издательского дела и восстанавливать авторитет, которого они лишились. Наконец, мы выделим различные инструменты чтения-письма³, дополненные возможностями интернета [5; 6], при непосредственном участии которых становится возможным и такое восстановление авторитета, и, на наш взгляд, его эволюция.

1. Авторитетность – многозначное понятие

1.1. Авторитет. Понятие авторитета может применяться на различных уровнях. Авторитет – это форма «господства, основанная на легитимности того, кто им обладает» [7], «всегда связанная с совокупностью условий и различных воплощений во времени и пространстве» [8], но не зависящая «ни от силы, ни от убеждения» [9]. Как пишет Ф. Буррико (*F. Bourricaud*), «авторитет – это персонализация правил, их олицетворение или же символическое перевоплощение неких индивидов, берущих на себя ответственность за коллективные стандарты» [10]. Эта «возможность влиять на других» может приобретать свойства закона (в целях управления людьми или вещами) или существовать на уровне умственного, морального или психического воздействия, позволяющего позиционировать себя как ценность, ориентир для общественного мнения (определение из Корпуса французского языка⁴).

³ *Ecrilecture*, неологизм, введенный с целью отразить тенденцию к управлению цифровым текстом, его изучению и дополнению в противоположность почти сакральному отношению к традиционному печатному тексту, считающемуся неприкосновенным. Сами физические характеристики компьютера – экран для чтения и клавиатура для письма, – объединенные в современных устройствах, побуждают читателя к совершению действий над текстом. Отныне он не просто читается, но одновременно и пишется. Именно на это обращает внимание А. Вильмен (*A. Vuillemin*), позаимствовавший неологизм у канадского медиевиста С. Лузиньяна (*S. Lusignan*): при использовании таких устройств речь идет уже не о собственно чтении, но о чтении-письме (см.: *Vuillemin A., «La lecture interactive et l'écriture», Littérature, informatique, lecture, Vuillemin A. et Lenoble M., Presses Universitaires de Limoges, 1999, pp. 101–110.*

⁴ Национальный корпус языка – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на этом языке. Корпус французского языка (*Trésor de la Langue Française*) составляют 16 томов словарей французских текстов XIX и XX вв.: 100 000 слов с историческими справками об их происхождении, 270 000 определений, более 430 000 примеров словоупотребления. Электронная версия Корпуса французского языка: <http://atilf.atilf.fr/> (прим. пер.).

В самом общем плане об авторитете, его кризисе, исчезновении или необходимости восстановления постоянно говорят политики, журналисты и педагоги. Так, в педагогике авторитет обсуждается весьма активно, поскольку его достижение и поддержание представляет постоянную проблему для воспитывающих. «Почему это так? Просто потому, что отношения авторитета исключают выстраивание подлинной связи с другим человеком и избегают вопроса о “существовании” <...> Потому что авторитет – это “упреждающий удар” и по сути ничего другого собой не представляет» [11]. Ж. Усэй (*J. Houssaye*) утверждает также, что авторитет не способен ни обосновывать, ни создавать закон: «Собственно говоря, авторитет либо вреден, либо бесполезен... До тех пор и до такой степени, что в школе приходится выбирать между авторитетом и образованием» [11]. Напротив, авторитет считается крайне необходимым в научной среде, где он входит в круг интересов многих дисциплин: философии (подробнее см.: [8; 12; 13]), социальной психологии [14], социологии [10] и права [15]. Здесь он становится многоаспектным понятием. Среди критериев, на которых базируется авторитет, можно назвать *подлинность* и *значение*, т. е. гарантию соответствия предъявляемым требованиям, придающую научную ценность. Затем возникают понятия репутации, признания, источника власти.

В информатике авторитет (или уведомление о полномочиях) служит для однозначной идентификации (авторизации) людей, предметов или схем. Сложилось устойчивое выражение «заслуживает доверия» (*fait autorité*). В французском языке оно калькировано с английского выражения «авторитетный контроль» (*authority control*) – контроль за унифицированным использованием поисковых признаков, в частности в библиотечном деле. Библиографы разрабатывают списки стандартизированных терминов, обязательных для использования при индексировании. Это действие на уровне данных носит в высшей степени формальный характер, но фактически такую стандартизацию посредники (библиотекари) навязывают авторам для облегчения своей работы. Исследователи обязаны соблюдать стандарты: корректное представление исследовательских работ и их библиографического аппарата служит прямым подтверждением подлинности использованных источников и косвенным – достоверности хода рассуждений.

1.2. Авторитет и автор. Системы цитирования и ссылок стандартизированы, поскольку

«имя автора необходимо в любой библиографической классификации: оно идентифицирует произведение, как этикетка на товаре» [2], а «загруженные в память <...> списки (авторов – прим. пер.) также служат реальным свидетельством производства интеллектуального продукта» [16]. Благодаря указателю имя автора «выполняет классификационную функцию: оно позволяет группировать тексты, <...> сопоставлять их, идентифицировать, объяснять один текст через другой. <...> Авторскому тексту <...> обеспечено выживание в мире текстов» [17]. Составитель библиографического списка, удостоверяющий его подлинность, «контролирует понятие, задуманное, замеченное и определенное» [18]. Речь идет об «актах представления и определения, т. е. о властных действиях <...> и о структурировании реалий» [19]. Автор имеет авторитет, он сам является авторитетом.

Но не следует думать, будто это всегда было очевидно. Необходимость указания авторства – изменчивый принцип. Так, «художественные» тексты долгое время не подписывались и излагались анонимно, и их древность обеспечивала им достаточную авторитетность, тогда как в научных текстах имя автора указывалось, служило гарантией их авторитетности и признаком их апробации. Затем ситуация изменилась на противоположную: начиная с XVII–XVIII вв. анонимных научных текстов становилось все больше, тогда как художественные высказывания требовалось атрибутировать [17] (приводится по [2]). Здесь уместно перефразировать высказывание Р. Барта (*R. Barthes*) «говорит не автор, а наука» (*c'est la science qui parle, ce n'est pas l'auteur*)⁵. Дело в том, что научному тексту предназначено выйти за рамки исходного контекста, чтобы его продолжали читать и использовать и после, и вне этого контекста. Но кем становится автор? Всего лишь зачинателем, создателем вещи, перешедшей в общественное достояние и более ему не принадлежащей?⁶ Или изобретателем, сохраняющим свои права? Знание отличается от изобретения среди прочего тем, что не может быть запатентовано. Со времен Платона ученый старался быть в разных вселенных с торговцем. Неоклассическая экономическая теория определила права на интеллектуальную соб-

ственность: согласно им, изобретателю предоставляется частичная временная монополия на изобретение с целью стимулировать инновации и инвестиции и тем самым исправить отступление от законов рынка. Это касается патентов, но статьи остаются даром в понимании М. Мосса (*M. Mauss*): публикуя свой текст, автор отдает его, получая взамен репутацию⁷.

1.3. Исполнитель и создатель. Слово «автор» имеет источником два латинских слова, значения которых близки, но пересекаются лишь частично. В словаре Ф. Гаффю (*F. Gaffiot*) [20] приводятся они оба.

– *Actor* (от глагола *ago* – приводить в движение, заставлять, делать, быть активным, стремиться к чему-либо, выражать словом): тот, кто продвигает, приводит в действие и сам действует; следовательно, исполнитель, но также и автор. Это латинское слово можно перевести и современным словом «ремесленник» в значении неодобрения: тот, кто просто делает и не более того, не вкладывает в дело ни душу, ни талант, у кого нет ни ярких черт личности, ни выраженного авторитета.

– *Auctor* (от глагола *ageo* – силой слова заставлять расти, увеличиваться, прибавляться и расширяться): тот, кто наращивает, двигает вперед и подтверждает; гарант, источник авторитета. Это автор, который заслуживает доверия, которого уважают и которому верят. Согласно значению производного существительного *auctoritas*, автор – это «тот, кто обладает авторитетом благодаря своему творению». Не любой пишущий или написавший что-либо есть автор, и различие здесь такое же, как между документом и памятником (подробнее см.: [21; 22]). Авторитета автора достигает только тот редактор, чьи тексты признаны памятниками литературный (или научный) институт. Важным критерием служит признание – автор заслуживает доверия, потому что его признают авторитетным благодаря информационным и документальным «следам» его деятельности: со времен Средневековья «чтобы быть по-настоящему автором (*auctor*), необходимо, чтобы ваше имя упоминали, ваши произведения множество раз копировали и комментировали, а также цитировали отрывки из них. Именно такой ценой достигается подлинный авторитет (*auctoritas*)» [23]. Отсюда проистекает авторитет посредника, в чьей власти составление стандартов, способных дать гарантию серьезности и символизировать

⁵ Оригинальное высказывание Р. Барта: «говорит не автор, а язык» (*C'est le langage qui parle, ce n'est pas l'auteur*) (*Barthes R., La mort de l'auteur, 1968, Le Bruissement de la langue, 1984*).

⁶ В частности, здесь возникает проблема понятия валидности. Насколько возможно ее поддержание? Какой критерий (один или несколько) позволит отделить достоверную интерпретацию от ошибочной?

⁷ Здесь и далее выделения жирным шрифтом фрагментов текста сделаны редактором.

рующих научную авторитетность, в которой нуждаются и текст, и автор. Можно привести современные примеры значимости авторитетного посредника: не так важно написать книгу, как найти, кто ее издаст; учитывается не то, что книга «вышла», а то, что она индексируется в базах данных.

1.4. Автор и авторство. Кроме того, есть проблема коммуникации (связи) и образа (имиджа). Авторитетности в смысле внутренней «ценности» знания, содержащегося в произведении, более недостаточно, значимость смещается к авторитетности, придаваемой извне – признанию. Так оценивается ключевая функция автора – авторство, на английском языке – *authorship*, на французский язык этот термин часто переводится неологизмом *auctorialité* в целях подчеркнутого размежевания с однокоренным словом *autorité* (авторитет). Так, М. Фуко (*M. Foucault*) уделяет пристальное внимание чертам, более относящимся к авторству речи, чем к ее авторитетности [17], исследуя то, каким образом негласные договоры системы коммуникаций ставят под вопрос определение авторства и имидж автора.

Прежде чем книга попадет к читателю, писатель должен заключить «авторский договор» и тем самым поручиться перед издателем за потенциальную читательскую аудиторию, гарантировать ее интерес... Остается узнать, кто формулирует пункты договора о создании художественного произведения, какая инстанция заявляет права на весь авторский замысел или конкретный образ [24]. В самом деле, следует принимать в расчет мнение трех «читателей»: потенциального издателя, отбирающего авторов по научным или коммерческим критериям; посредников, к которым, по мнению Д. Уолтона (*D. Wolton*)⁸ (приводится по: [25]), можно также причислить журналиста и библиотекаря, и собственно читающей публики.

2. Институционализация авторитета в научном секторе издательского дела

Несмотря на то, что отдельные практики создания научного текста действовали уже в XIII в. [26], общепризнано, что научное книгоиздание началось с открытия типографий. Именно тогда ученые получили возможность ссылаться на носители письменной информации для обоснования и выстраивания своих исследований. Этот новый порядок привел к возникновению ученых кругов, которые к концу XVII в. структурировались в академии, такие как Лондонское коро-

левское общество и Королевская академия наук во Франции, – издатели первых научных журналов: *Philosophical Transactions of the Royal Society*, Лондон и *Journal des savants*, Париж. Академия наук, под видом исполнения монаршего поручения проводить экспертизу научных изданий и составлять суждение о них, взяла в свои руки власть над научными публикациями, отстранившись от цензуры – дабы не посягать на авторитет церкви – и распространив свое влияние на владельцев типографий с целью контролировать «средства массовой коммуникации» того времени. Таким образом, «научный» авторитет, пользуясь своей квалификацией эксперта, признанной за ним государством, взял под свой контроль и средства распространения информации, и прежде всего авторов, поскольку именно авторитет решал, что научно, а что к науке не относится. По многим причинам, подчеркивает Д. Жером (*D. Jérôme*) [27], действия авторитетных представителей Академии наук сегодня отнесли бы к авторитарным. Следует отметить, что научные публикации того времени были адресованы широким кругам эрудитов, жаждавшим знать о последних научных достижениях и обсуждениях результатов исследований, удовлетворяли потребность в расширении круга сведущих лиц путем создания пространства, рассматриваемого как «место встреч и дискуссий ученых и просвещенного дворянства» [28], и составляли «сложную систему, в которой знание одновременно производится и распространяется» [29].

На XVIII в., по мнению Б. Жамма (*B. Jammes*) [30], пришелся «апогей научного книгоиздания». Печатная продукция стала основным путем распространения научного знания, необходимым ученому, стремившемуся добиться признания коллег и зафиксировать первенство открытия. Как указывает М. Николи (*M. Nicoli*) [31], у автора появилась необходимость «выйти за рамки чистого умственного труда: первостепенной стала задача разобраться в механизмах издательского мира и научиться ими пользоваться». Изучив переписку деятелей эпохи Просвещения с редакторами и книготорговцами, Николи продемонстрировала, что диктат академий над авторами перестал быть всеобъемлющим: существовали параллельно развивавшиеся сети «на периферии производства знания <...>, без поддержки которых ученые бы пропали». С другой стороны, при посредстве технического прогресса, неотделимого от распространения информации, только в 1789 г., с принятием 11-й статьи Декларации прав человека и гражданина – «Свободный обмен

⁸ Д. Уолтон напомнил: «Журналисты и библиотекари должны снова взять в свои руки управление информацией».

мыслями и знаниями есть одно из самых драгоценных прав Человека» – и провозглашением «свободы печати» научный сектор издательского дела познал подлинный расцвет с точки зрения темпов распространения тиражей, тогда же было положено начало тематическому разнообразию журналов. Затем, как показывают исследования Л. Фебра (*L. Febvre*), Р. Шартье (*R. Chartier*), Р. Дарнтон (*R. Darnton*), а также Дж. Барбера (*G. Barber*) [31], организовалась коммерческая издательская деятельность. В частности, понятие «автор» приобрело юридический статус, и книжные магазины получили «исключительную привилегию на издание», что стало предпосылкой появления издательских домов.

Третья Республика дала возможность преподавателям университетов свободно развивать исследовательскую деятельность, что способствовало возникновению новых дисциплин. Увлечение широкой публики наукой достигло высшей точки, но распространение знаний оставалось по большей части уделом университетов, в ущерб издательствам. Только в конце XIX в., на фоне роста объема публикаций, приняли определенную структуру информационные профессии и «возник феномен документации: ранее ненаблюдаемый, с развитием научно-технической информации он постепенно отмежевался от классического библиотечного дела» [32]. Характерная черта издания научной литературы того времени – совершенствование приемов работы с документами. Иными словами, хотя профессионалы в области информации и документации не участвуют в производстве научного знания как такового, они способствуют распространению информации и знаний среди населения. Невзирая на изменения во внешней среде научного сектора издательской деятельности, журнал *Comptes Rendus de l'Académie des sciences* (CRAS) сохранял права на публикацию научных работ на протяжении XIX и XX вв. и развивал практику представления авторами своих исследовательских работ на открытых заседаниях, подтверждая тем самым легитимность и авторитет каждого автора [27].

Приведенный выше краткий обзор истории издания научной литературы показывает, что на протяжении веков авторитет принадлежал деятелям академий и научных организаций, которые консолидировали профессионалов в области распространения информации, например, библиотекарей и сотрудников информационно-поисковых служб, объединенных более или менее альтруистическими взглядами на издание научной литературы.

В 1970-х гг. репутация и, соответственно, авторитет CRAS пошатнулись в связи с массовым выходом тематических журналов на английском языке, изменивших способ оценки научных работ. Привлечение к этому экспертных советов существенно уменьшило задержку в распространении тиражей. Именно в это время возникла напряженность между различными участниками процесса издания научной литературы. По мере того как государство сокращало ассигнования на исследовательскую деятельность, издательские дома становились все более незаменимым звеном в цепи распространения научной информации. Под давлением нового авторитета издание научной литературы было отдано на откуп рыночной сфере. Вследствие этого уже в начале 90-х гг. проявились характерные признаки неблагополучия: галопирующий рост цен на печатную продукцию, финансовые ограничения на издательскую деятельность для небогатых учреждений и стран, увеличение сроков публикации и справедливые сомнения в независимости экспертных оценок [33].

3. Аномальность и прибыльность научного издания

Приходится констатировать, что в отношениях издателей и исследователей возник и нарастает дисбаланс. Подчеркнем, что исследователи выступают одновременно и авторами, и читателями, из-за чего испытывают двойное притеснение со стороны издателей. Прежде всего в интеллектуальном плане, поскольку неперенным условием успешной профессиональной деятельности ученого становится активное участие в распространении результатов исследований, т. е. публикация своих и рецензирование чужих статей, а также работа в редколлегиях научных журналов, преимущественно наиболее признанных в конкретной предметной области. А престижные журналы в подавляющем большинстве принадлежат коммерческим издателям. **Кроме того, некоторые издатели не стесняются возлагать на самих же редакторов-исследователей нахождение новых бизнес-моделей, стимулирующих увеличение продаж журналов, получение льгот и выгод...** С интеллектуальным ущербом прочно связан материальный. С конца 80-х гг. стоимость публикации непрерывно возрастает, а суммы вознаграждения за уступку авторских прав, напротив, уменьшаются (тогда, когда оно есть, а не предлагается в форме скидки на другую продукцию издателя). При этом часть предпечатных процессов (набор

текста, корректорская вычитка, сверка фактов и дат, даже элементы верстки и дизайна обложки), а порой и все эти процессы, нередко передаются для исполнения авторам или лицам, ответственным за прохождение статей, а издательства превращаются фактически в типографии. Напомним также, что издатели не платят ни редакционным советам, ни рецензентам. Можно было бы подумать, что все это последствия неблагоприятной рыночной конъюнктуры, поскольку издательское дело, как и многие другие отрасли, поражено кризисом. Но это не так: в докладе Ассоциации подразделений научно-исследовательских организаций, ответственных за научно-техническую информацию (*l'Association des Responsables IST des Organismes de Recherche, EPRIST*) за 2015 г. подчеркивалось [34], что состояние сектора издания научной литературы, в частности научной периодики, вполне благополучное⁹. Если верить этому докладу, аргументы крупных издателей, их ссылки на неблагоприятную конъюнктуру, превышение предложения над спросом и обострившуюся конкуренцию с другими участниками книжного рынка, а в последнее время еще и на издержки, связанные с требованием открытого доступа к научной информации (*open access*), несостоятельны. Представляется, что соображения издателей намного более просты: нет нужды вознаграждать исследователей за то, что они и так обязаны делать согласно распоряжениям руководства научных организаций. Верхом цинизма выглядит то, что опубликованные результаты интеллектуальной деятельности издатели потом продают самим же ученым.

Более того, деятели науки и работники информационно-документационной сферы справедливо возмущены тем, что развитие цифровой издательской деятельности, призванной существенно снизить типографские расходы, на деле привело к беспрецедентному увеличению издержек, все более и более затрудняя учреждениям доступ к коллекциям документов. С переходом на цифровые технологии изменилось направление документооборота: библиотеки лишились прав управления фондами и вынуждены покупать права доступа к большей или меньшей части документов у издателей, хранящих их на своих серверах [35]. Исследование, проведенное Ассоциацией научных библиотек (*Association of Research Libraries, ARL*), показало, что с 1986 по 2006 г. расходы американских библиотек на

приобретение научной периодики увеличились на 290 %. Стоимость «комплекта периодических изданий» может достигать десятков или даже сотен тысяч евро, что вынуждает учреждения тщательно фильтровать список запросов для отправки в электронные коллекции, пересматривать политику комплектования и в большинстве случаев отказываться от подписки. Иными словами, университетские библиотеки больше не могут предоставлять в распоряжение деятелей науки ими же созданную продукцию. С 2010 г. все чаще раздаются призывы покончить с экономическим авторитаризмом коммерческих издательств, ежегодно получающих маржу небывалых размеров [34], и с бездействием политиков, согласных дважды платить за одну и ту же исследовательскую работу [36]. Первыми обратили внимание на эту проблему сторонники идеи открытого доступа к научной информации. Протестные настроения быстро распространились среди информационных и библиотечных работников и были подхвачены исследователями; некоторые ученые принципиально отказались участвовать в системе коммерческой издательской деятельности. Финансовые трудности, с которыми несколько лет назад столкнулись университетские библиотеки Монреаля [37] и Оттавы [38], – к сожалению, не единичный случай. Просто пострадавшие предали огласке свои проблемы, на что библиотеки решаются не часто.

Иными словами, коммерческие издательства получают всю возможную прибыль от системы публикации, рецензирования и «потребления» результатов исследовательской деятельности. Среди всех известных форм научных публикаций исследователи предпочитают журнальные: научные журналы позиционируются как наиболее престижные издания, отсюда и сверхприбыли крупных коммерческих издательств, выпускающих периодику. **Вместе с тем журналы стали излюбленным средством оценки работы ученых, благодаря библиометрическим инструментам**, таким как система сертификации качества Агентства оценки исследовательской деятельности в вузах (*Agence d'évaluation de la recherche et de l'enseignement supérieur, AERES*)¹⁰

⁹ Научные издания приносили до 60 % общей выручки от реализации печатной продукции и 80 % дохода крупных коммерческих издательств.

¹⁰ Среди французских журналов те, которые заслужили высокую оценку AERES, считаются занимающими «важное место в распространении результатов исследовательской деятельности на национальном и особенно международном уровне». Available at: <http://www.aeres-evaluation.fr/Publications/Methodologie-de-l-evaluation/Listes-de-revues-SHS-de-l-AERES>.

или импакт-фактор¹¹. Это произвело переворот в отношениях государства и науки: если ранее оно наблюдало за ее состоянием по массиву публикаций с целью определить новые векторы научного поиска, отныне продуктивность исследователя, лаборатории или всей страны отслеживается ради оценки карьеры или предоставления грантов.

Однако современное состояние оценки научных работ давно подвергается критике. Так, Ж. Жак (*J. Jacques*) [39] уточняет, что не следует игнорировать различие в процентах цитирования в разных дисциплинах: в математике на одну статью приходится в среднем 6 цитирований, в химии – 14, в медико-биологической отрасли – 19. Кроме того, как сообщает А. Моулс (*A. Moles*) [40], США обнаружили отставание уровня своих научных публикаций, особенно от японских, т. к. статьи американских авторов посвящались улучшениям, а не прорывным открытиям и не новым областям науки. Поиски причин этого выявили, что в редакционных советах, отбиравших статьи, новаторские темы провоцировали затяжные дискуссии, которые переносились на следующий день, а затем и на следующее заседание, что в результате вызывало запаздывание публикаций как минимум на полгода, а иногда и более. Э. Ле Кронье (*H. Le Crosnier*) указывает в своей диссертации [41], что американские базы данных отдавали предпочтение публикациям из США перед публикациями из других стран; таким образом *Indian Journal of Malarialogy* с импакт-фактором 0,528 не был включен в престижный Индекс научного цитирования (*Science Citation Index*) Института научной информации (*Institute for Scientific Information*), тогда как американские журналы с импакт-фактором 0,001 туда входят. По мнению И. Жангра (*Y. Gingras*) [42], это привело к непредвиденным пагубным последствиям, в частности связанным с импакт-фактором: он измеряет распространенность журнала, и подразумевается, что в самых распространенных изданиях публикуются статьи наилучшего качества, тогда как он «ставит в более выгодное положение быстро «стареющие» дисциплины (например, медицину по сравнению с общественными науками) <...> [и] косвенным образом уводит от исследования тем локального значения, неосновных или немодных». С точки зрения Д. Моннио (*D. Monniaux*) [43], библиометрическая оценка научных журналов

привела к «обесцениванию публикаций [и] требованиям рецензентов цитировать их работы и труды их друзей»¹². Это ставит под сомнение безупречность метода взаимного рецензирования (*peer review*) и заставляет исследователей (в частности Жангра) задуматься о том, кто оценивает самих рецензентов.

4. Цифровые технологии: золотое дно для научного издания?

«Эти и многие другие критические замечания привели к необходимости пересмотра организации рынка научных публикаций в контексте новых возможностей и нового потенциала распространения результатов исследований, открывшихся благодаря цифровым технологиям» [44] (приводится по: [33]). Устав от экономического диктата, все чаще наносящего ущерб науке, множество ученых устремились в сеть, чтобы возглавить проекты сетевых научных публикаций и таким образом выйти из сферы ответственности и торгашеской логики крупных коммерческих издателей. В самом деле, как было ученым устоять перед привлекательностью интернета – пространства свободного выражения мысли без посредников [45] (приводится по: [46]) – и притягательностью открытого доступа к информации? Когда есть интернет, типографии уже не нужны (а именно к тиражированию свелась роль некоторых ленивых издателей) и, следовательно, никто не будет контролировать комплекс издательских процессов, сопряженных с распространением научного журнала.

С самых первых дней появления электронных научных журналов в научном сообществе не утихают споры [47] вокруг открытого доступа, т. е. возможности бесплатно читать научные публикации и – шире – знакомиться с данными исследований. Движение за открытый доступ породило множество индивидуальных и коллективных инициатив, формализуемых официальными заявлениями (сделанными в Будапеште в 2001 г., в Бетесде и Берлине в 2003 г.) и многочисленными соглашениями ученых. Демократизация технологий, а вслед за тем и интернет-практик, способствовала созданию «новых посреднических пространств, добавившихся к классическим сред-

¹¹ Импакт-фактор определяет видимость журнала на основе частоты цитирования статей из него. Считается, что с его помощью можно показать продвижение или деградацию конкретного журнала или автора в мировом научном сообществе.

¹² Такую порочную практику можно рассматривать как замещение неполученного вознаграждения выражением признательности... но более вероятно то, что рецензенты не в силах соответствовать завышенным требованиям к интенсивности труда и широте охвата научных областей (по модели Фонтанья – Зильберберга (*Fontanille – Zilberberg*)) и полагаются в оценке статей на собственные измышления, не всегда отвечающие критерию научности.

ствам выражения научной мысли <...>, сетевые журналы дополнили серую литературу, уже находившуюся в открытом доступе, а депозитарии научных учреждений (содержащие в открытых архивах препринты и электронные копии печатных изданий) сразу же начали позиционировать себя, скорее, как дополнение, чем как альтернативу традиционным журналам» [48]. Перед лицом повального увлечения открытым доступом издатели все чаще оказываются вынуждены принять новые правила игры, отчасти из опасений, что авторы могут окончательно отказаться от их услуг, и тогда исчезнет главный источник их доходов.

Тем не менее приходится признать, что большинство электронных журналов представляет собой всего лишь перенесенные в интернет – более или менее адаптированные к цифровым носителям – электронные версии печатных изданий [49]. И все же онтофания¹³ цифрового пространства [50], или привыкание ко всему электронному, начинает утверждаться в научном сообществе, «сервисы Web 2.0 возродили к жизни такие ценности, как причастность (дискуссионность), совмещение ресурсов (совместная работа множества участников над одним проектом), стремление делиться (файлами, мыслями, событиями и т. д.)» [48]. По поводу исследований, ведущихся сегодня, уже можно заметить, что инструменты чтения-письма влияют не только на их форму (посредством новых архитектур), но и на содержание. В самом деле, в научных журналах появляются системы комментирования и аннотирования. Комментариями и пользовательскими (не издательскими) аннотациями – продуктами чтения-письма, ранее не выходившими за пределы личной переписки, – сегодня широко делятся, их демонстрируют и обсуждают. Они открывают путь к открытой науке (*open science*) и тем самым к новым моделям соавторства научных статей и их оценки¹⁴.

¹³ От греч. *on*, род. п. *ontos* – сущее и *phanie* – проявление – проявление бытия, проявление сущего. Другое название космогонии (прим. ред.).

¹⁴ «Основополагающая идея концепции открытой науки в том, чтобы обеспечить, так же как при пользовании свободным программным обеспечением, всеобщую доступность научных достижений путем организации международного сотрудничества исследователей при помощи новых средств коммуникации. Достижение этого предполагает создание системы, позволяющей делиться данными, методологией, инструментарием (в частности программным обеспечением), чтобы позволить каждому исследователю легко внести вклад в приращение всеобщего знания. Таким образом, результаты, полученные каждым, обогащают коллективный опыт научного поиска» (Lepage Corrine. *L'open science, un défi pour les États. Cahiers Droit, Sciences & Technologies*. 2010;(3):21–29).

Среди первых успешных инициатив можно отметить сервер препринтов в Лос-Аламосе *arXiv.org*, создатель которого П. Гинспарг (*P. Ginsparg*) рекомендует освободиться от системы двойного рецензирования и заменить ее инструментами чтения-письма с возможностью в открытом доступе комментировать, корректировать статьи и делать к ним примечания. Это движение стремительно набирает сторонников по обе стороны Атлантики: идея заменить двойное рецензирование, чаще всего двойное слепое (*double blind*) – когда и автор, и рецензент анонимны – открытым (*open peer reviewing*), при котором автор и рецензент известны друг другу, распространяется в Европе и служит основой для новых моделей научного журнала, в частности «мега-журналов» (подробнее см.: [51; 52; 53]). Доводов в пользу этого нововведения предостаточно: прежде всего, это быстрое распространение исследовательских данных между всеми деятелями науки (тогда как молодые ученые часто не имеют доступа к журналам). Более того, по утверждению сторонников открытого рецензирования, в зависимости от дисциплины облегчается признание работ того или иного ученого, и слепое рецензирование становится нецелесообразным. Эффективность слепого рецензирования поставлена под сомнение: действительно ли этот процесс происходит вслепую? Удалены ли из статьи все технические следы, по которым может быть восстановлено авторство (информация о создателе документа, ссылки и т. п.)? Не узнал ли рецензент автора статьи, не пытался ли узнать его? Следующий весомый аргумент в пользу открытого рецензирования основан на идентификации рецензента. То, что он известен и может быть легко установлен, предотвращает написание слишком коротких или чрезмерно резких рецензий, гарантирует заинтересованность рецензента в публикации качественных научных статей (поскольку рецензирование ему не навязывается) и, следовательно, поощряет дискуссию между авторами и рецензентами и их плодотворное сотрудничество. Таким образом направляются усилия в сторону коллективной, совместной авторитетности в научных публикациях. Тем не менее, для того чтобы система открытого и прозрачного рецензирования не только возникла, но и смогла долго существовать, необходимо согласие деятелей науки с новыми правилами игры и их соблюдение. Прошло еще недостаточно времени для возможности объективно проанализировать новые модели рецензирования, но уже обозначились следующие основные риски: с одной стороны,

поскольку статьи сначала обнародуются и только затем оцениваются, рецензирование – серьезная трудоемкая работа – более не становится преградой на пути к публикации, что может повлечь за собой падение качества научных статей. С другой стороны, принцип прозрачности рецензирования может привести к негласным соглашениям ученых и нарушению принципа беспристрастности оценки. Осознавая риски, связанные с принятием открытого рецензирования статей как единственного, часть создателей научных журналов выступают за сохранение двойного слепого рецензирования как средства первичного отбора материала, а систему открытых комментариев (*open peer commentary*) предлагают ввести для уже принятых в работу статей на время редактирования или же постоянно [46; 54]. Во втором случае статьи публикуются вместе со всеми комментариями и материалами дискуссии читателей с автором [55].

Какая бы издательская политика ни была избрана – открытый или смешанный процесс рецензирования, – тем не менее очевидно, что использование электронных устройств запустило процесс пересмотра механизмов научной авторитетности, возвращая ее тем, кто творит науку. От открытого доступа один шаг к открытой науке и перспективам иной авторитетности: коллективной и основанной на сотрудничестве. Идея станет реальностью, если исследователи будут придерживаться правил честной игры. Но если ответственность станет коллективной, разделенной, на чем или ком будет основываться научная авторитетность? Внедрение инструментов чтения-письма в научные журналы дает читателям не просто доступ к содержанию статей, но и возможность их комментировать, оценивать, корректировать и даже вносить содержательную правку. В этом случае функции чтения и написания пересекаются, их сферы действия расширяются, а роль исследователя несколько редуцируется. В связи с этим М. Лефевр (*M. Lefebvre*) [56] выделяет исследователя-автора, исследователя-оппонента, исследователя-читателя и исследователя-комментатора. В нашей монографии [57] описаны характеристики нового типа исследователя: исследователя-навигатора, функция которого – определение границ концептуального универсума статей в соответствии с излагаемым авторами. Модель такого универсума реализована в журнале *Communication, Organisation, Société du Savoir et Information* (COSSI)¹⁵, где опробован но-

вый способ доступа к содержанию статей: через «картотеку понятий»¹⁶, что в конечном итоге даст возможность совместного конструирования онтологии. Эта онтология – постоянно развивающаяся и незавершенная – представлена читателям в графической форме. Взаимодействие понятий, так же как взаимодействие акторов [58], – больше, нежели просто связь между группами данных или информация, оно позволяет выстраивать новые схемы в умах читателей и порождать новые значения, способные привести к новым открытиям, в том числе и путем инфо-визуализации. Исследователь-навигатор берет на себя ответственность открытия доступа к энциклопедической памяти, ее представления на суд читателей, он дает читателям право активного соучастия в выстраивании онтологии той предметной области, в которой они сведущи. Таким образом, предназначение нового инструмента чтения-письма, основанного на коллективном разделенном авторитете исследователей-авторов-навигаторов, – повернуть острие научных дискуссий в сторону понятий, закладывающих фундамент наук, а следовательно, содействовать совместному созданию онтологической авторитетности в духе научного альтруизма.

Заключение

Революция Гутенберга, как упоминалось выше, стала важной поворотной точкой в науке, позволив ученым взаимодействовать и получать доступ к большому количеству информации. Бесспорно, научные практики существовали и до книгопечатания, но только с его появлением они приняли совсем иной масштаб благодаря ускорению научной коммуникации и, следовательно, обмена идеями. Однако для приобретения авторитета, основанного на известности автора, его репутации, измерении количества цитирований его трудов и величины тиража опубликованных работ, ученым приходилось преодолевать цензуру церкви, а затем, после вступления в дело монархии, склоняться перед авторитетом академий, гарантировавших научное качество текстов путем их оценки в рамках той парадигмы, которой придерживались представители академий. В этих условиях «свобода печати» стала подлинным глотком свежего воздуха как в плане распространения тиражей, так и множества точек зрения высказываемых позиций. Тем не менее количество еще не означает качество,

¹⁵ *Communication, Organisation, Société du Savoir et Information*. Available at: <http://www.revue-cossi.info/>.

¹⁶ Available at: <https://revue-cossi.info/concepts>.

и цитирование как таковое не подтверждает и не опровергает изложенное автором, но всего лишь фиксирует факт прочтения его труда. Для того чтобы работу прочитали, она нуждается в достаточно широком и корректном распространении (опубликовании, обнародовании). В условиях сокращения государственного финансирования издатели берут на себя ведущую роль в распространении и коммерциализации результатов научных исследований. Задача облегчается с появлением авторизации (удаленного удостоверения авторства). Со временем коммерческие издатели стали ключевыми игроками в системе научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Но отсутствие авторитета, который регулировал бы отношения издателей и авторов, привело к тому, что часть издателей начали извлекать прибыль из системы научного рецензирования, необходимой авторам для публикации трудов для сколько-нибудь заметного существования в предметном поле дисциплины и для научного роста. Сегодня, как подчеркивалось нами ранее, система издания научной литературы настолько разбалансирована, что никого не шокируют разговоры о бесплатной публикации научных работ как о «незаконной растрате государственных средств» [59].

К становлению и восстановлению самосознания авторов в немалой степени причастна цифровая революция. Менее чем за два десятилетия интернет и электронные устройства изменили практики научного поиска и публикации его результатов, непосредственно затронув издательский сектор (издателей, распространителей и библиотеки): прибавочная стоимость, получаемая за счет производства, распространения и продажи традиционных «бумажных» изданий, резко сократилась. Отныне ученый может свободно распространять результаты своих исследований, даже не обладая глубокими познаниями в области цифровых технологий. Новейшие модификации форм издания и распространения документов неизбежно отразились на всей совокупности профессий, связанных с информацией, включая документоведение и библиотечное дело. Представителям этих профессий надлежит приспосабливаться к бесконечным техническим новшествам и быстрому устареванию уже используемых устройств и технологий. Цифровые технологии привели к пересмотру взаимоотношений исследователей с информацией и коммуникацией, содействуя внедрению инструментария чтения-письма, совместной работы многих авторов над одним проектом и в ко-

нечном счете пробивая путь открытой науке, коллективному научному авторитету, который по своей природе благоприятствует соавторству и может привести к установлению онтологической авторитетности.

При всем том не следует думать, будто бы предполагаемое золотое дно информационных технологий лишено подводных камней для научно-исследовательской работы. Наследие прошлого может и содействовать развитию электронных коммуникаций, и ограничивать его. Так, недалек тот день, когда импакт-фактор канет в прошлое, его уже во многом заменяют альтметрики [60]: библиометрия, как и многие другие области практической деятельности, видоизменяется и подстраивается под технологические новшества. Информационные технологии порождают как утопии, так и антиутопии: информационно-документационная система, которую представляет собой интернет, поддерживает свободный обмен знаниями, демократизацию образования, открытый доступ к информации, но также и всеохватывающий надзор, и тоталитаризм (подробнее см.: [61; 62]). Пока что политики не слишком разбираются в цифровых технологиях, интернет с трудом поддается законодательному регулированию и дает пользователям широкие возможности обходить ограничения на доступ к ресурсам. Тем не менее обратим внимание на недавно принятый «Закон о цифровой республике»¹⁷, одна из задач которого – восстановить нарушенное равновесие в отношениях авторов и издателей, особенно в области издания научной литературы.

¹⁷ «Открытый доступ к результатам научно-исследовательской деятельности, финансируемой государством, и доступность текстов и данных для просмотра и поиска. Результаты НИОКР, финансируемых бюджетными средствами более чем на 50 %, могут быть размещены их авторами онлайн в открытом доступе после истечения эмбарго длительностью от 6 до 12 месяцев. Эта мера облегчит свободное распространение результатов исследований, ранее распространявшихся издателями с ограничениями или за плату. Проектом закона также разрешается просмотр и поиск текстов и данных исследований, размещенных онлайн, что необходимо для научных исследований по общественным и гуманитарным наукам, но ранее не было реализовано в связи с ограничениями, налагаемыми правом на интеллектуальную собственность» (опубликовано в официальном бюллетене законодательства Франции 8 октября 2016 г. Available at: <http://www.gouvernement.fr/action/pour-une-republique-numerique>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Rieffel R. *Révolution numérique, révolution culturelle?* Gallimard; 2014. Available at: <http://www.gallimard.fr/Catalogue/GALLIMARD/Folio/Folio-actuel/Revolutions-numerique-revolution-culturelle>.
2. Compagnon A. Introduction: mort et resurrection de l'auteur. In: *Théorie de la littérature: qu'est-ce qu'un auteur?* Paris: Université de Paris IV-Sorbonne. Available at: <https://www.fabula.org/compagnon/auteur1.php>.
3. Souchier E. L'écrit d'écran, pratiques d'écriture & informatique. *Communication et langages*. 1996;(107):105–119. Available at: https://www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_1996_num_107_1_2662.
4. Clément J. Du livre au texte. Les implications intellectuelles de l'édition électronique. *Sciences et techniques éducatives*. 1998;5(4):401–409. DOI: [10.3406/stice.1998.1407](https://doi.org/10.3406/stice.1998.1407).
5. Broudoux E. Contours du document numérique connecté. In: *Europa. Documents et dispositifs à l'ère post-numérique*, Nov 2015, Montpellier, France. 18e Colloque international sur le document numérique. Europa; 2015, pp. 7–15. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/47362625.pdf>.
6. Broudoux E. L'écosystème scientifique à l'heure de la participation sur le web. In: Yves J. et al. *Pratiques et usages numériques: H2PTM'13*. Hermès-Lavoisier; 2013, pp. 239–256.
7. Weber M. *Economie et société*. Paris: Pocket; 2003.
8. Kojève A. *La notion de l'autorité*. Paris: Gallimard; 2004.
9. Karila-Cohen P. L'autorité, objet d'histoire sociale. *Le Mouvement Social*. 2008;224(3):3–8. Available at: <https://www.cairn.info/revue-le-mouvement-social-2008-3-page-3.htm>.
10. Bourricaud F. *Esquisse d'une théorie de l'autorité*. Paris: Plon; 1969.
11. Houssaye J. *Autorité ou éducation? Entre savoir et socialisation: le sens de l'éducation*. Paris: ESF; 2007. Available at: <https://esf-scienceshumaines.fr/pedagogie/86-autorite-ou-education-.html>.
12. Delsol C. *L'autorité*. Paris: Presses universitaires de France; 1994.
13. Revault d'Allonnes M. *Le pouvoir des commencements. Essai sur l'autorité*, Paris: Seuil; 2006.
14. Sennett R. *Autorité*. Paris: Fayard; 1980.
15. Garapon A., Perdrille S. *Quelle autorité? Une figure à géométrie variable*, Edition Autrement; 2000.
16. Couzinet V. Fabrique de la liste: un dispositif entre mémoire et commémoration. In: 2^a *Jordana Científica Internacional Redes e Processos Info-Comunicacionais: Mediações, Memórias, Apropriações*, Rio de Janeiro, 24–26 outubro de 2012, pp. 132–151.
17. Foucault M. Qu'est-ce qu'un auteur? *Bulletin de la Société française de philosophie*. 1969;63(3):73–104. In: *Dits et écrits*. 1994. Available at: <http://1libertaire.free.fr/MFoucault349.html>.
18. Willett G. (dir.) *La communication modélisée. Une introduction aux concepts, aux modèles et aux théories*. Ottawa: Éditions du Renouveau Pédagogique; 1992.
19. Chante A. La notion de catalogue: de l'imprimé au numérique. *Culture et musées*. 2013;(21):131–152. Available at: https://www.persee.fr/doc/pumus_1766-2923_2013_num_21_1_1735.
20. Gaffiot F. *Le grand Gaffiot: dictionnaire latin-français*. Hachette; 2000.
21. Fraysse P. *Le patrimoine monumental en images: des méditations informationnelles à la conversion monumentaire des documents*, Thèse en SIC. U. Toulouse 2; 2006. Available at: <http://www.theses.fr/2006TOU20060>.
22. Fraysse P., Régimbeau G. Le patrimoine architectural entre monuments-phares et documents monumentaires. In: 3e colloque international du CIDEF (Centre international de documentation et d'échanges de la francophonie – Québec) – AFI (Agora francophone internationale – Paris), Alexandrie (Égypte), Bibliothèque d'Alexandrie, 12–15 mars 2006. Alexandrie, Égypte; Mar 2006. pp. En ligne. <hal-00607126>. Available at: <http://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00607126/>.
23. Viellard F. Auteur et autorité dans la littérature occitane non lyrique. In: *Auctor et auctoritas: Invention et conformisme dans l'écriture médiévale. Actes du colloque tenu à l'Université de Versailles-Saint-Quentin-en-Yvelines, 14–16 juin 1999*. École des chartes; 2001, pp. 375–389. Available at: <http://opac.regesta-imperii.de/id/1262960>.
24. Gallinari M. M. La “clause auteur”: l'écrivain, l'ethos et le discours littéraire. *Argumentation et Analyse du Discours*. 2009;(3). DOI: [10.4000/aad.663](https://doi.org/10.4000/aad.663).
25. Toutou C. Les nouveaux usages des générations internet. *Bulletin des bibliothèques de France (BBF)*. 2008;(4):67–70. Available at: <http://bbf.enssib.fr/consulter/bbf-2008-04-0067-001>.
26. Beaudry G. *La communication scientifique et le numérique*. Paris: Hermès Lavoisier; 2011.
27. Jérôme D. L'autorité des grandes revues scientifiques. In: Compagnon A. (dir.) *De l'autorité: Colloque du Collège de France 2007*. Odile Jacob; 2008. Available at: <https://www.equipes.lps.u-psud.fr/JEROME/dossier%20complet/Jerome08.pdf>.

28. Caune J. *Pour des humanités contemporaines. Science, technique, culture: quelles médiations?* Grenoble: Presses universitaires de Grenoble; 2013.
29. Raichvarg D. *Sciences pour tous?* Paris: Gallimard; 2005.
30. Jammes B. Le livre de science. In: Chartier R., Martin H. J. (dir.) *Histoire de l'édition française. Le livre triomphant (1660–1830)*. T. 2. Paris: Fayard; 1990.
31. Nicoli M. Les coulisses de l'édition scientifique au XVIIIe siècle. In: *Colloque "L'histoire des sciences par en bas" Le Mans, 5–7 juin 2013*. Université du Maine / IUFM. Available at: https://www.canal-u.tv/video/universite_du_maine_pole_ressources_numeriques_prn/les_coulisses_de_l_edition_scientifique_au_xviii_siecle.14411.
32. Accart J.-P. Bibliothécaire, documentaliste. *Bulletin des bibliothèques de France (BBF)*. 2000;(1):88–93. Available at: <http://bbf.enssib.fr/consulter/bbf-2000-01-0088-011>.
33. Chartron G. Scénarios prospectifs pour l'édition scientifique. *Hermès, La Revue*. 2010;57(2):123–129. Available at: <https://www.cairn.info/revue-hermes-la-revue-2010-2-page-123.htm>.
34. Vajou M. Résultats financiers 2015 de l'édition scientifique. *Rapport EPRIST – Intelligence IST*, 2016. Available at: https://www.eprist.fr/wp-content/uploads/2016/03/I-IST_16_RésultatsFinanciers2015EditionScientifique.pdf.
35. Salaün J.-M., Arsenault C. *Introduction aux sciences de l'information*. Editions La Découverte; 2010.
36. Langlais P.-C., Stamboliyska R. La France préfère payer (deux fois) pour les articles de ses chercheurs. *L'Obs Rue89, 21 novembre 2014*. Available at: <http://rue89.nouvelobs.com/2014/11/10/france-prefere-payer-deux-fois-les-articles-chercheurs-255964#>.
37. Lemay J. L'Université de Montréal renonce à 2116 abonnements pour ses bibliothèques. *TVANouvelles, 9 mai 2016*. Available at: <http://www.tvanouvelles.ca/2016/05/09/luniversite-de-montreal-renonce-a-2116-abonnements-pour-ses-bibliotheques>.
38. Mercier J. Compressions dénoncées à la bibliothèque de l'Ud'O. *Le Droit*, 2016. Available at: <http://www.lapresse.ca/le-droit/actualites/education/201610/20/01-5032482-compressions-denoncees-a-la-bibliotheque-de-ludo.php>.
39. Jacques J. Débat. In: *La création scientifique rétribuée, Art et science: de la créativité*, colloque de Cerisy 1970, Union générale d'édition; 1972, coll. 12–18.
40. Moles A. *Les sciences de l'imprécis*. Editions du Seuil; 1998.
41. Le Crosnier H. *Systèmes d'accès à des ressources documentaires: vers des anté-serveurs intelligents*. Université de droit, d'économie et des sciences. Aix-Marseille III; 1990. Available at <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00004654/document>.
42. Caraco B. Yves GINGRAS, Les dérives de l'évaluation de la recherche. Du bon usage de la bibliométrie. *Publié dans le Bulletin des bibliothèques de France*. 2014(2):186–188. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/halshs-01009987/document>.
43. Monniaux D. Pourquoi les universités se désabonnent des revues scientifiques. *Ma vérité sur*, 2014. Available at: <http://www.maveritesur.com/david-monnaux/pourquoi-les-universites-se-desabonnent-des-revues-scientifiques/749>.
44. Okerson A. S., O'Donnell J. *Scholarly Journals at the Crossroads; A Subversive Proposal for Electronic Publishing*. Washington DC, Association of Research Libraries; 1995. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015034923758&view=1up&seq=5>.
45. Weissberg R. Academic tyranny: the tale and the lessons. *Review of Policy Research*. 1998;15(4):99–110. DOI: [10.1111/j.1541-1338.1998.tb01095.x](https://doi.org/10.1111/j.1541-1338.1998.tb01095.x).
46. Pignard-Cheynel N. La publication scientifique sur Internet. In: Le Bœuf C., Péliissier N. (dir.) *Communiquer l'information scientifique: éthique du journalisme et stratégies des organisations*. Paris: L'Harmattan; 2003, pp. 367–387. Available at: https://archivesic.ccsd.cnrs.fr/sic_00001414/document.
47. Chartron G. Evolution de l'édition scientifique, 15 ans après. Dans: *EUTIC 2007, Athènes*. 2007. Available at: <https://archivesic.ccsd.cnrs.fr/file/index/docid/186675/filename/eutic-chartron-Athenes2007.pdf>.
48. Broudoux E., Chartron G. La communication scientifique face au Web2.0. Premiers constats et analyse. In: *H2PTM'09: Rétrospective et perspective – 1989–2009*. Hermès-Lavoisier; 2009, pp. 323–336. Available at: https://archivesic.ccsd.cnrs.fr/sic_00424826/document.
49. Verlaet L., Gallot S., Gonzales A. A. Le paradigme de la complexité. Apports pour les usages formels de l'hypertexte. In: Jeanneret Yves et al. (dir.) *Pratiques et usages numériques: H2PTM'13*. Hermès-Lavoisier; 2013, pp. 75–90.
50. Vial S. *L'être et l'écran: comment le numérique change la perception*. Presses universitaires de France; 2013. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01164617>.

51. Björk B.-Ch. A study of innovative features in scholarly open access journals. *Journal of Medical Internet Research*. 2011;13(4):e115. DOI: [10.2196/jmir.1802](https://doi.org/10.2196/jmir.1802).
52. MacCallum C. J. Why ONE Is More Than 5. *PLoS Biology*. 2011;9(12):e1001235. DOI: [10.1371/journal.pbio.1001235](https://doi.org/10.1371/journal.pbio.1001235).
53. Cassella M. *Innovation and experimentation in scholarly publishing: Web 2.0 features in Open Access journals*. Helsinki; 2012. Available at: <http://conference.ifla.org/past-wlic/2012/149-cassella-en.pdf>.
54. Dillaerts H. *Libre accès à la communication scientifique et contexte français: développement et enjeux pour la créativité et l'interdisciplinarité*, thèse de doctorat, CNAM, 2012, [en ligne]. Available at: <https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00768432>.
55. Bordier J. *Évaluation ouverte par les pairs: de l'expérimentation à la modélisation: Récit d'une expérience d'évaluation ouverte par les pairs*. 2016, hal-01283582f. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01283582/document>.
56. Lefebvre M. Rendre public le processus d'évaluation de la recherche. *Réseaux*. 2010;(6):71–96. Available at: <https://www.cairn.info/revue-reseaux-2010-6-page-71.htm#>.
57. Verlaet L. *La recherche pertinente sur le Web. Concevoir un dispositif d'information adapté aux activités cognitives des lecteurs*. Saarbrücken, Éditions Universités Européennes; 2011.
58. Weick K. E. *Sensemaking in organization*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications; 1995.
59. Valluy J. Le libre accès aux publications de SHS, entre marché et État: comment articuler édition numérique en libre accès et... liberté(s) intellectuelles des auteurs & lecteurs? Dans: *Séminaire NumeRev, MSH-Sud/université Paul-Valéry, Montpellier, 28 février 2017*. Available at: http://www.hnp.terra-hn-editions.org/TEDI/IMG/pdf/valluy_seminaire_numerev_28fevrier2017_montpellier.pdf.
60. Clairoux N. *Altmetrics: des indicateurs d'impact immédiat*. Université de Montréal; 2016. Available at: <http://hdl.handle.net/1866/13345>.
61. Chartron G. Tendances lourdes et tensions pour les filières du document numérique. In: *Le "Document" à l'ère de la différenciation numérique. 14e colloque international sur le document électronique 7-8 décembre 2011 INPT, Rabat, Maroc*. Paris: Europia; 2012, pp. 1–12. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/47738894.pdf>.
62. Foucault M. *Les mots et les choses*. Gallimard; 1966.
63. Juignet P. Michel Foucault et le concept d'épistémè. *Philosophie, science et société*. 2015. Available at: <http://www.philosciences.com/Pss/philosophie-generale/la-philosophie-et-sa-critique/10-michel-foucault-episteme>.
64. Pignard-Cheynel N. L'édition de revues scientifiques. Une forme de marchandisation de la diffusion de connaissances. *Revue Sciences de la Société*. 2005;(66). Available at: https://archivesic.ccsd.cnrs.fr/sic_00427034.
65. Pontille D. La signature scientifique. Authentification et valeur marchande. *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*. 2002;141(1):141–142. DOI: [10.3406/arss.2002.2822](https://doi.org/10.3406/arss.2002.2822).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Верле Лиз, доцент информационно-коммуникационных наук, Университет Поля Валери, Монпелье 3, Франция; заместитель главного редактора журнала COSSI (*Communication, Organisation, Société du Savoir et Information*, ISSN 2495-5906); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-0184>; e-mail: lise.verlaet@univ-montp3.fr.

Шант Алэн, доктор информационно-коммуникационных наук, профессор Отделения информации и документации, Университет Поля Валери, Монпелье 3, Франция; e-mail: alain.chante@univ-montp3.fr.

Lise Verlaet, Associate professor in Information and Communication Sciences, LERASS-Céric, Paul-Valéry University, France; deputy chief editor of COSSI scientific review (ISSN 2495-5906); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3909-0184>; e-mail: lise.verlaet@univ-montp3.fr.

Alain Chante, Dr. Sci. (Information and Communication Sciences), professor at Information and Communication Department, Paul-Valéry University, France; e-mail: alain.chante@univ-montp3.fr.